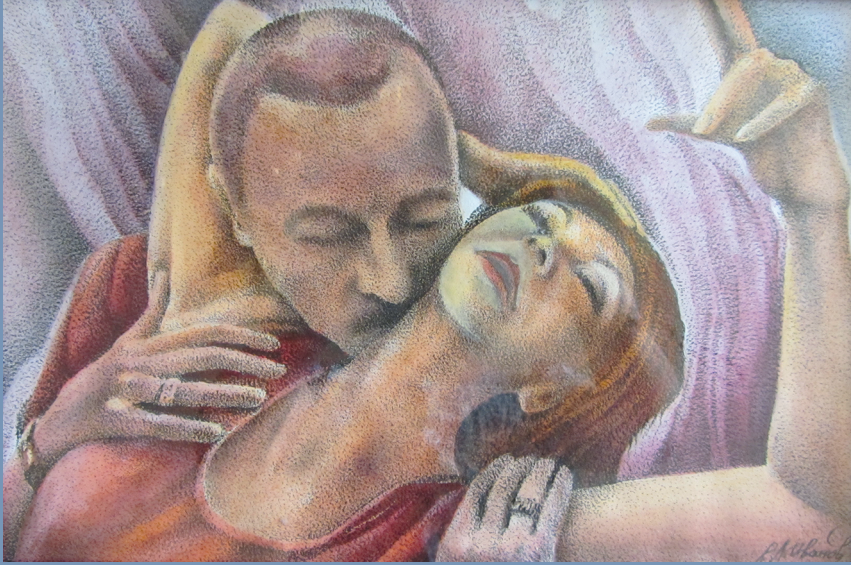
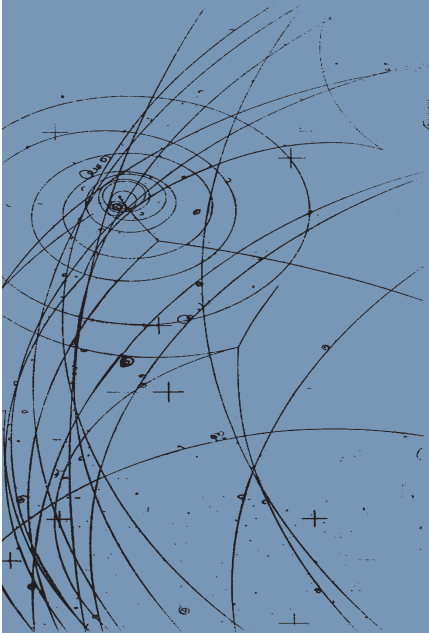

ГЛАВА X

АНДРЕЙ И ЗОЯ

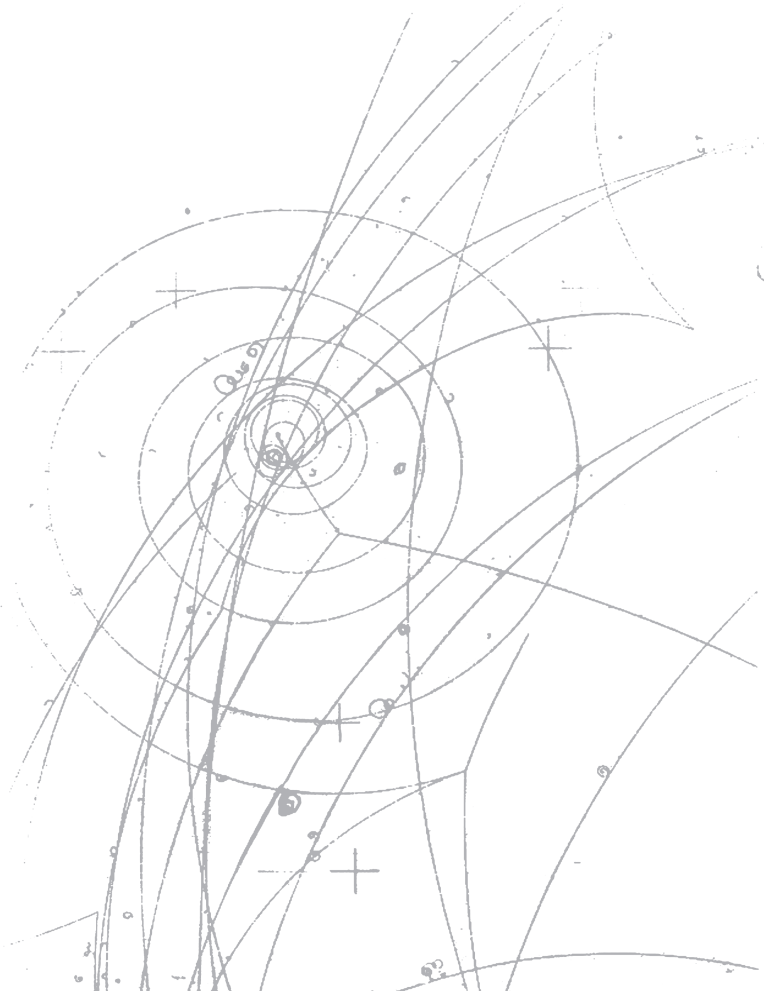

«Поцелуй» (акварель А. Иванова)

...Не исчезай
Из жизни моей.
Не исчезай невзначай
или сгоряча.
Есть тысяча ламп.
И в каждой есть
тысяча свеч.
Но мне нужна
Твоя свеча...

А. Вознесенский

АНДРЕЙ И ЗОЯ В ТЕЛЕФИЛЬМЕ «АНДРЕЙ И ЗОЯ»

Не только в литературе, но и в жизни существуют такие яркие семейные пары, Он и Она, отношения которых превращаются в большой, красивый, незаурядный роман и являют собой наглядный пример взаимной любви между мужчиной и женщиной и пример человеческой преданности обоих друг другу, в прямом смысле слова — до гроба. Такой парой стали поэт Андрей Вознесенский и писательница Зоя Богуславская.

Они познакомились в 60-е годы, в период хрущёвской «оттепели», которая перешла в «заморозки», поженились в 1964 году и прожили друг с другом — душа в душу — целых 46 лет, и жили бы и жили бы ещё столько же, если бы Андрей Вознесенский не умер в 2010 году, «после (как говорится) тяжёлой и продолжительной болезни». Они не дотянули до «золотой свадьбы» всего каких-то четырёх года.

Зоя никогда и никому не рассказывала о своих отношениях с Андреем, считая эту тему слишком личной и непубличной. Но в 2009 году на съёмках документального телефильма «Андрей и Зоя» она рассказала об Андрее и о себе закадровому ведущему телефильма со всей свойственной ей человеческой и творческой смелостью, правдивостью, искренностью, откровенностью, талантливостью и без малейших элементов ханжества и жеманства, совершенно не свойственных ей.

А рассказывать о своём романе с Андреем она начала с сюжета о подмосковном городке Дубне, в котором началась лирическая завязка романа двух героев, тогда пока ещё только двух друзей, один из которых — поэт! — уже мечтал быть для своей героини не просто другом, и уже видел в ней свою Музу, и уже начал сочинять о ней поэму «Оза», самую главную из всех своих поэм, которая вместе со всеми его сочинениями войдёт в Золотой фонд нашей поэзии.

А потом Зоя рассказала о том, что было до этого и после этого. Вспоминала вслух разные подробности своей жизни с Андреем, отвечала на вопросы интервьюера. И у неё получился потрясающий устный рассказ о любви, который мне захотелось переложить на бумагу, что я на днях и сделала, когда посмотрела и послушала первую часть телефильма, который впервые появился на телеэкранах в 2011 году.

Предлагаю читателям свою стенограмму устного рассказа Зои Богуславской «Андрей и Зоя», в своей расшифровке с диктофона и в своей обработке, заранее извиняясь, если там что-то не так, как говорится, или не совсем так, не точь-в-точь, как в телефильме (не слово в слово, что естественно, потому как самая великолепная устная речь, а у Зои великолепная устная речь, требует кое-каких структурных изменений на бумаге).

Нина КРАСНОВА,
поэтесса и эссеистка

Документальный телефильм режиссёра Анатолия Малкина «Андрей и Зоя» начинается с того, что Зоя Богуславская сидит в телестудии за столом оригинальной конфигурации, с двумя чашечками для чая и для кофе, на фоне экранов, говорит по мобильному телефону с медсестрой Андрея Вознесенского Леной, которая находится с больным поэтом на даче в Переделкине, и просит её посидеть с ним и поухаживать за ним, пока Зоя будет на съёмках. «Сейчас уже 20 минут девятого, я приеду в Переделкино поздно, будет уже около десяти часов...», — говорит Зоя. — «Я посижу с ним, не волнуйтесь», — говорит Лена. «Спасибо, золотко, ты молодец! Поцелуй его. Ну, пока. Целую».

Зоя Богуславская — в пиджаке желтовато-золотистого цвета, в белой рубашке с манжетами и с острым воротником, с шелковым желтовато-золотистым шарфиком на шее, со светлыми, слегка подвитыми волосами, с аккуратной короткой причёской, очень элегантная и благородная, с прямой аристократической осанкой. Держится перед телекамерой совершенно естественно, без всякой позы, как у себя дома.

ВСТУПЛЕНИЕ ТЕЛЕВЕДУЩЕГО

Интервьюер, закадровый телеведущий:

«Андрей и Зоя» — так мы назвали нашу работу. И мы попытаемся рассказать, как этот мужчина и эта женщина встретились 45 лет назад. Эта встреча создала для всех нас совершенно уникальную поэзию, которая останется с нами навсегда. Всё-таки как важен случай в жизни людей искусства. Именно Андрей выбрал Зою, будто почувствовал, что в ней его спасение и что с ней его судьба. Зоя сопротивлялась изменению своей жизни: сложившаяся самостоятельная личность, писатель, критик, драматург, взрослая яркая женщина. Она не была готова к невероятному чувству и жертвоприношению. Но он настаивал, и она сдалась и полюбила и

оставила ради него всё! И с тех пор они всё время были вместе, и в счастье, и в трудные времена, вдвоём, в этом сладком одиночестве.

Зоя впервые захотела рассказать о том, как у них с Андреем всё было, и рассказала откровенно, молодо, весело, без купюр, без патетики и придыхания, к тому же ей казалось тогда, что Андрей выздоравливает и что этот её рассказ-исповедь лишь начало какой-то их следующей жизни. Мы ведь начали снимать наше кино за год до ухода Андрея Андреевича из жизни. Это, конечно, многое изменило. И, посмотрев готовую работу, Зоя Борисовна мучилась по поводу рассказа о начале их романа с поэтом. Ей казалось, что теперь её слова приобрели непозволительное легкомыслие и могут быть поняты не так. И всё-таки нам удалось убедить Зою Борисовну оставить всё так, как это было рассказано (ею), потому что это — настоящее, это история истинной любви без малейшего оттенка ханжества и пуританской недосказанности. Рассказ настоящей женщины!

АНДРЕЙ И ЗОЯ. И ДУБНА

Зоя Богуславская:

Дубна — это наша как бы крестная мать с Андреем. А дело было так. Начались отношения с того, что состоялся пленум Союза писателей, когда был пик «оттепели», нас всех повыбирали в Правление московское, там были Гладилин, Аксенов, Вознесенский, Евтушенко и так далее. Так вот на этом пленуме была полемика такая, страшная драка (по поводу книги Балтера «До свидания, мальчики!» — *Н. К.*). Когда Балтер, Борис Балтер, написал повесть «До свидания, мальчики!» — ослепительная, пленительная совершенно повесть — я разразилась статьёй в «Литературной газете» в ответ на грибачёвское «Нет, мальчики», где был разгром этой повести как сентиментальной, как интеллигентской,

упаднической, ну, тогда было много разных терминов, которые развенчивали и уничтожали нормальную литературу факта, литературу правды. Грибачёв, Кочетов — вот все они были нашими идеологическими противниками. И вдруг Вознесенский, выступая на этом пленуме, сказал: нам нужны такие критики, как Зоя Богуславская, которая написала такую статью, «Да, мальчики!»

Про меня никто никогда ничего такого не говорил, никто никогда не произносил моего имени и не упоминал меня, да ещё с такой высокой трибуны, да ещё устами человека, каждое слово которого вообще ловили все, я уж не говорю о количестве девиц, и я просто была тронута до глубины души, хотя мне было очень неловко, я вообще не люблю, когда про меня говорят, и до сих пор не люблю, вот даже тостов не могу про себя слушать. На меня тогда это произвело ошеломляющее впечатление! И вдруг Вознесенский мне говорит: «Меня приглашают в Дубну прочитать лекцию. Поедем со мной?» У меня в голове повернулся винтик, я подумала: «А-а, вот тут-то я и сделаю оселок для моей повести «...И завтра», когда увижу Дубну, когда побываю в ней...» Ему-то надо было как бы меня с собой взять, уже тогда он относился ко мне несколько иначе, чем я к нему, а мне надо бы каким-то образом стать нужной там, в Дубне.

Я сказала нашему бюро пропаганды: «Бог с вами, я сделаю вступительное слово в Дубне к вечеру Вознесенского». И вот фотография, которая у вас есть... на ней он наклоняется ко мне и спрашивает меня: «Что для тебя прочитать?» (он тогда вообще всё время говорил мне: «Чё для тебя прочитать?») — это и была встреча в Дубне. Она абсолютно не имела ничего такого и ничем не кончилась, никакими там физическими отношениями, это была только всё та же дружба. Но всё же, если говорить, когда у нас с ним всё началось, когда началось начало нашего романа, началось всё в Дубне.

Андрей Вознесенский

ЗАМЕРЛИ

*Заведи мне ладони за плечи,
обойми,
только губы дыхнут об мои,
только море за спинами плещет.*

*Наши спины - как лунные раковины,
что замкнулись за нами сейчас.
Мы заслушаемся, прислонясь.
Мы - как формула жизни двоякая.*

*На ветру мировых клоунад
заслоняем своими плечами
возникающее меж нами —
как ладонями пламя хранят.*

*Если правда, душа в каждой клеточке,
свои форточки отвори.
В моих порах стрижами заплещутся
души пойманные твои!*

*Всё становится тайное явным.
Неужели под свистопад,
разомкнёмся немym изваянием —
как раковины не гудят?*

*А пока нажимай, заваруха, —
на скорлупы упругие спин!
Это нас прижимает друг к другу.
Спим.*

АНДРЕЙ И ЗОЯ ПОСЛЕ ДУБНЫ. СЛУЧАЙ С ПРИЧАЛОМ НА ВОЛГО-БАЛТЕ. И ЯЛТА

Интервьюер:

— Зоя, простите за нескромность, но выходит, что Андрей сразу стал Вас активно добиваться...

Зоя Богуславская:

— Конечно! Он уже бегал за мной, как зарезанный. У меня хранятся сотни его сексуальных телеграмм, которые я не печатаю и про которые не рассказываю... Я знала их наизусть, но я плевала на всё это, плевала на них, у меня были другие пристрастия, дружбы, а это было, ну как сказать?.. Я понимала, что Андрей — ну, это же поэт... ну сегодня у него один предмет — Оза, завтра — Роза, послезавтра — телега, которая переехала кого-то... Как я могу в это верить? Да мне не хотелось (всего этого), и я понимала, что он моложе меня, и у меня семья и ребёнок. Вы никак не понимаете, что это очень крепкая была семья (у нас с Борисом), и Андрей меня оттуда выводил.

И как развивалось действие? У нас был один решающий момент — случай с причалом, когда я подумала, что я настолько сильно обидела Андрея, и так оскорбила его публично, и что он теперь что-то с собой сделает. Я сейчас расскажу, как было дело. А дело было так. Я увидела, что в расписании теплоходов есть путешествие по Волго-Балту — открытие маршрута Волго-Балта, и меня туда понесло, и я взяла с собой моего сына Лёньку, которому тогда было лет восемь приблизительно, и мы с ним останавливались в потрясающих русских городах. И вот на каком-то этапе, в каком-то городе, у причала, ко мне подходит... радист или замкапитана, я уж не знаю кто, с огромным букетом и говорит: «Вот букет Зое Богуславской... Вы — Зоя Богуславская?» Я сказала: «Я». И потом на каждой из станций радиорубка передавала мне телеграммы от Андрея: «Озе Богуславской! Зое Богуславской! Богуславской-леди!..» — все эти телеграммы я храню. Андрей меня засветил, мне и выйти из каюты уже

нельзя было, настолько это была какая-то фатальная атака с его стороны. Поэтому, когда мы с сыном в Петрозаводске сошли с теплохода на берег, я была уже накалена до такой степени... И вдруг в конце причала, в глубоком далеке, я вижу фигуру Вознесенского. Он, оказывается, уже целые сутки ждал меня, ждал моего теплохода, ничего не пил, не ел и думал, что я оценю всё это и что я выйду на берег, к нему, и он со мной будет. Когда я увидела его, я обрушилась на него всю свою ярость от этого компрометажа, которому он меня подверг, абсолютно, как бы это сказать, несовместимого с публичностью. Я сказала ему: «Я прошу тебя, не преследуй меня больше! Ты меня компрометируешь!..» — и что-то в этом роде, очень злое, я ему сказала, и он развернулся, совершенно побелев, как полотно, и сказал мне: «Я больше никогда не буду тебя преследовать». И ушёл. И мы с сыном уплываем обратно, и я уже чувствовала: ну я же обидела Андрея, ну что же я наделала, он же хотел как лучше, ну какая же я сволочь! Я стала про себя угнетаться этим. И мы отплываем обратно и приплываем в населённый пункт, который называется Вознесенск. И в этом Вознесенске я уже посылаю Андрею телеграмму, ему домой, его маме, на Красносельскую, 45-45, дом сорок пять, квартира 45, и пишу ему: хожу по городу Вознесенску... ну, там, не знаю... люблюсь вознесенскими улицами, вознесенский райком принимает членские взносы, на углу продают вознесенские венники, рубль штука. Вот такую телеграмму я послала ему, единственную, как бы такую оливковую ветку примирения. И, когда я вернулась на теплоходе обратно в Москву, я была уверена, что он будет встречать меня. И вот я приплываю и, ощущая себя внутренне глубоко виноватой перед ним, ищу его на причале глазами, но никого, кроме моей семьи, там нет. Я ещё даже потолкалась там, мне говорят: «Ну чего ты ждешь? Садись в машину». А я оглядываюсь, смотрю, нет ли его? Его не было. Я забеспокоилась. И, когда я пришла домой, никаких звонков от него нет, первый раз за всё время нет от него никаких звонков. Он же всё время до этого атаковал меня своими звонками. А тут никаких

звонков от него не было, и не было, и не было. И на какой-то день мне звонит его мама, Антонина Сергеевна.

Она впоследствии, когда он решил жениться на мне, не приняла это, абсолютно, для неё это было просто трагедией, для неё и для всей их семьи. Когда он решил жениться на мне, во что бы то ни стало, он сказал ей: «Ну я люблю её, я не могу без неё жить!» Она сказала: «Любовь — не татарское иго!» Но он был настолько вовлечён в эту страсть, что всё было подчинено этой страсти.

Антонина Сергеевна звонит мне и говорит: «Зочка, а вы не знаете, где Андрюша? Я беспокоюсь, он ни разу не позвонил мне...» Тут я начала паниковать! Стала думать: что-то случилось или случится. Я думаю, вот это был мой перелом в отношениях с Андреем. То есть я вдруг поняла, что я его теряю, и теряю всё вот это, чему я не придавала никакого значения... его любовь ко мне... ах, это такая любовь ко мне! Ах, а я... А я, надо сказать, была очень противная по отношению к мужчинам. Я была очень бескомпромиссная...

И вот он наконец-то позвонил мне, первый раз. И когда он позвонил мне, он сказал: «Милая, я жив, ты не беспокойся, но я никогда не буду стоять в очереди к тебе...» — не за Борисом, а еще за одним мужчиной, к которому он ревновал меня, и небезосновательно. «Я никогда не буду стоять к тебе в очереди...» — сказал он. Ну, всё, и не надо. Я сказала ему: «И не надо!» — и повесила трубку. На другой день он позвонил мне и сказал: «Милая, я буду стоять в очереди за кем угодно, за одним, за другим, только не гони меня!..» И вот тут я поняла, что во мне что-то сломалось... У меня вообще очень силён этот вот мотив сострадания и вины. И я стала встречаться с Андреем. А близость у нас наступила много времени спустя, в Ялте, в снятой квартире на улице Чехова. Холод там был невероятный. Мои первые ощущения любви были связаны исключительно с холодом, надо было всё же раздеваться, и было очень холодно. И вот после этого мы с ним стали встречаться в Ялте. А через какое-то время, когда я уже должна была возвращаться в Москву, Андрей Андреевич сказал мне: «Напиши заявление

о разводе». И я в Ялте, под его диктовку, написала в ЗАГС: «В связи с тем, что у меня образовалась другая семья, прошу развести нас».

Когда я прилетела в Москву, я встретила тут совершенно другой мир ощущений, совершенно не соответствующий тому миру, из которого я улетела. Там, в Ялте, я была под ураганом губельной страсти Андрея, когда я думала, что случится что-то страшное, если я поступлю иначе, чем хочет Андрей, там я уже была вся с ним, а тут Борис говорит мне: «Ты пойми, он — поэт; сегодня он говорит тебе это (что ты — его Муза, что он любит тебя и что он не может жить без тебя), а завтра ты перестаешь быть его Музой... это настолько преходяще, настолько несерьёзно... ты уходишь из семьи, с которой ты столько лет была связана... ты пойми, у нас ребёнок, я тебя люблю... что ты творишь со своей жизнью? Ты бросаешь не просто благополучную семью...».

Борис был лауреатом Сталинской премии за своё научное изобретение, у нас была квартира, у нас была машина, а я уходила к человеку, которого Хрущёв выгнал из Советского Союза и который не только не имел за душой ни одной копейки и не имел ни квартиры, ничего, но из-за которого и меня-то немножечко как бы задвигали... И мы с ним в первое время нашего сближения скитались по углам и жили просто на мою небольшую зарплату. А Борис мне сказал следующее: «Знаешь, я всё-таки взрослее тебя и вижу, что ты делаешь безумные, неправильные поступки, ты ломаешь свою жизнь. Я тебя прошу, ровно через год, (а мы с Борисом в это время сидели в ресторане, и Борис посмотрел на часы и сказал, какая сейчас дата), — давай ровно через год встретимся с тобой в этом же месте, и, если ты мне скажешь, что ты несчастлива, и спрячешь своё самолюбие, свою гордость, свой свободный характер, вернёмся к нашей с тобой прежней жизни, потому что я на сто процентов уверен, что нельзя будет тебе выдержать то, на что ты идёшь, и не будет у вас связь больше года, скорее всего и меньше...» Я сказала ему: «Я тебе обещаю». А я твёрдо знала, что ничего не поменяется через год. Как я знала это, я

не знаю, потому что он был прав. И действительно, мы с Андреем имеем сегодня вместе 45 лет вместо одного года.

АНДРЕЙ И ЗОЯ. И ИХ СКИТАНИЯ ПО УГЛАМ

Интервьюер:

— Зоя, а можно вернуться к началу вашей истории с Андреем? Пожалуйста, расскажите — когда Вы сошлись с ним, у Вас сразу начался нормальный семейный быт, жизнь под одной крышей?

Зоя Богуславская:

— Мы с Андреем долго были бездомны. У нас долго не было квартиры. И наша с ним пора любви и сближения друг с другом совпала с бурным ростом скитаний по чужим квартирам, по снятым комнатам... Правда, до подъездов мы не доходили, всё-таки мы были — молодая интеллигенция. В то время считалось, что владелец квартиры — это всё равно что в компании — человек, умеющий играть на гитаре. Понимаете, это была какая-то множественность обрастания отношениями, дружбами, взаимовыручками... Ну, представляете, как мы были признательны людям, если они нас впустят в квартиру на какое-то время, дадут нам ключи и куда-то уедут, и как мы были счастливы? Но потом настал момент, когда это сделалось довольно странным, потому что все уже знали, что мы вместе. И тогда Андрей написал заявление в Союз писателей, который всем давал квартиры, бесплатные, это было нормально для того времени, никаких платных квартир тогда не было, ни кооперативных, ни платных. Он написал заявление с просьбой предоставить нам квартиру, хоть плохонькую, хоть какую-нибудь, потому что образовалась у нас с ним новая семья. И нас поставили в очередь на квартиру, от Союза писателей. И тут мы столкнулись с Сергеем Михалковым, который тогда был во главе Московской писательской организации. Он был для меня очень занятный человек. Вы понимаете, очень многие говорили про него, что он — царедворец, лизоблюд, что

он вбегает к любому генсеку... Но когда я столкнулась с ним, я поняла, из чего он состоит. Он был, во-первых, интеллигент, во-вторых, у него была жена просто исключительная интеллигентка, аристократка духа, а в-третьих, Сергей Владимирович был сам талантлив и понимал, что такое талант, и понимал, что два талантливых творческих человека должны иметь крышу над головой, должны иметь свою квартиру, это соответствовало его внутреннему понятию о справедливости.

Долго у нас не было квартиры. И однажды — мы с Андреем тогда уже были вместе, но это было время наших скитаний — Андрей звонит мне и говорит: «Ты что, стоишь или сидишь?» Я говорю: «Ну, могу сесть». «Ну, тогда садись. У меня ордер на квартиру!» — и Андрей везёт меня на Котельническую набережную, в этот высотный дом. Мы звоним сюда в звонок, нам открывает дверь вот тако-о-ой вот дядечка, не буду называть его имени, он был академик другой республики. Мы говорим ему: «Вот у нас ордер на эту квартиру». — Он говорит: «Да какой ещё ордер?! Вон отсюда! Кто вы такие? Шпана какая-то...» И он позвонил куда-то и сказал, что не освободит эту квартиру до тех пор, пока ему власть не предоставит в этом же доме пятикомнатную квартиру. И, поставив это условие, он на целых полгода затормозил преклонение нашей главы в этой квартире. Когда мы вошли туда, мы увидели крысами изгрызанные батареи, это была не квартира, а какое-то скопище грязи, как будто какой-то склад, или подвал, или овощехранилище, я не могу сказать что, но такой грязи, как там, я не видела никогда. Поэтому я и не называю фамилию того академика. Короче говоря, мы поселяемся там, как-то обставляемся... нам она казалась громадной, но в ней всего 40 с чем-то квадратных метров, для трёхкомнатной это небольшая квартирка, и мы, которые готовы были бы жить хоть в коммуналке, попадаем в дом, где живут, значит, Твардовский, Паустовский, Кармен и его жена Майя, которая на наших глазах стала женой Аксёнова. В этом же доме я бывала и у Улановой. Ну, я Вам

назову много имён, это был дом интеллигенции, и тут у нас перебивали все, кто тогда смыкался вокруг нас и вокруг нашего романа, вокруг этой истории, которая вызвала очень большой внешний скандал. Вот сюда бесконечно звонили по телефону разные «доброжелатели» и говорили и наговаривали что-то плохое ему — про меня, мне — про него. Это действительно так было. Но чем больше кто-то нападал на него и на меня, тем больше это сближало нас.

Сколько голодных девиц осталось с открытым от удивления ртом, которые думали, что вот ходит холостой поэт Вознесенский, и вдруг... она... да что ты... да как же так... да кто она такая... да за кого она вышла замуж... да на ком он женился... И у него же было очень много звёздных женщин, очень звёздных, которые, конечно, очень любили его, мы не будем перечислять их, у нас не про это речь, а про квартиру (Зоя улыбается).

АНДРЕЙ И ЗОЯ. И МИР БОГЕМЫ. И 45 ЛЕТ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ АНДРЕЯ И ЗОИ

Интервьюер:

— Зоя, а расскажите о советской богеме. У нее были те же принципы, что у нынешней?

Зоя Богуславская:

— Нет, она была нравственной, она была гораздо, намного нравственнее, чем нынешняя. Во-первых, никто там никого не предавал. Во-вторых, если кого-то полосовали, преследовали, то все смыкались вокруг него и заступались за него. Мы не боялись заступиться друг за друга, не боялись, что мы подвергнемся каким-то репрессиям... Нас отовсюду исключали, но мы знали, на что мы шли, это была артистическая богема, необычная, такой вообще наш слой.

Интервьюер:

— Ну, а в чём была Ваша свобода?

Зоя Богуславская:

— Свобода?.. Ну, как в чём? Это была свобода поведения, свобода высказывания в своем кругу, но не в замкнутом помещении — для этого была улица. А сколько у нас было гулянок по паркам, по скамейкам... Богема — это образ жизни, жизни, подразумевавший свободу, свободу одеться, свободу есть чего угодно, свободу не есть и голодать... У нас не было религии, среди нас почти не было особо верующих, понимаете? Это было вот что: человек во всём раскрепощен. У нас были «звёздочки» — знаете, была такая игра. Все приходят домой, ложатся «звёздочками», тушится свет... на кого попадешь в темноте...

Интервьюер:

— Вы что, — шутите?

Зоя Богуславская:

— У нас много такого было. Это как-то, как вам сказать... Нет, я-то сама ни разу не участвовала в этой игре. Мне не нравилось.

Интервьюер:

— Ну, почему?

Зоя Богуславская:

— А мне не нра-а-вилось.

Интервьюер:

— То есть — Вы были по-другому воспитаны?

Зоя Богуславская:

— Нет, нет, я очень хорошо к этому относилась, но это было не моё, понимаете? Мне вообще по части секса... я, как бы сказать... у меня было не так много мужчин в жизни, но всё-таки они были только те, кого я любила... У меня любовь опережала секс... она опережала ЭТО. На первом месте у меня была — любовь... а ЭТО потом могло быть, а могло и не быть. А не то что — вот дотрунулась до кого-то, и — ах! Нет. У меня такого не было. А у Андрея Андреевича это было... прикосновение и — ах! Понимаете, вот глаза видят красоту.

Интервьюер:

— А где тогда можно было найти эту красоту? Дома? На улице?

Зоя Богуславская:

— Нет, тогда были компании. И я вам скажу ещё вот что — это была пора очень интересная, если говорить о том времени, тогда у всех жутко быстро менялись жёны и любовницы, вот в одно мгновение, вот вчера ещё, предположим, у Золотухина, да? — была жена Нина Шацкая, которая потом стала и женой, и вдовой Лёни Филатова, да? Ну и также Галя Луконина — то она была женой Луконина, а то она потом стала Галя Евтушенко, и так далее... А такое время было, знаете, это так же, как в Серебряный век, в 20-е годы, там же тоже все менялись, вот как-то так это считалось, знаете, как вам сказать — одним из признаков свободы. Они в течение времени все поменялись. Кроме нас с Андреем. Ни у кого не было тогда таких крепких семейных уз, которые были у кого-то до этого и которые были потом, во втором, третьем браке.

У Андрея был со мной первый брак и единственный. Андрей оказался... как вам сказать, верным человеком. Любовь, романы — это было у него всё другое. Да и то, как бы сказать, при мне у него за сорок пять лет были с кем-то серьезные отношения всего три раза. Ну, как — серьезные? что значит — серьезные? То есть такие, которые подлежали гласности. Но всего три раза за сорок пять лет. Это были какие-то его увлечённости, но всегда связанные с поэзией. Когда мы с ним поехали в первую границу, в Болгарию, и там он исчезал время от времени, Андрей... ну как это — за границей, и ты там одна, а он где-то бегаёт без тебя, и все интересуются: где это твой муж бегаёт? И однажды он тогда, я помню, вернулся ко мне откуда-то, в какой-то парк, и сказал: «Я тебе скажу, я скажу тебе на всю оставшуюся жизнь — я никогда не смогу, ну как бы это сказать?.. Я никогда не смогу предать тебя и никогда тебя не предаю... Но ты знай — ревновать меня ты будешь только к моим стихам». Понимаете, вот он влюблялся в какой-то женский объект, он это делал, и потом его это переставало интересовать. Но я не прощала ему этого никогда. Понимаете, я никогда ни одной секунды не удерживала его, я говорила ему: идёшь куда-то, иди, фью-

ить. Ему было хорошо на какое-то время увлекаться кем-то, когда у него есть Зоя. И когда я уходила от него, он бегал по всем моим подругам, по всем нашим друзьям и искал меня.

Интервьюер:

— Вы уходили от него?

Зоя Богуславская:

— Я уходила от него один раз, да, на два месяца. Я сказала ему: «Вот, оставайся без меня, я уйду». И я ушла от него, и он меня найти нигде не мог, и что он пережил тогда...

Интервьюер:

— Вы что, прятались от него?

Зоя Богуславская:

— Я пряталась. Конечно. Когда я вижу, что я не так нужна... я не в обиде ни на что, но... когда я вижу, что я больше — не богиня, не Муза, мне перестаёт быть интересно... И поскольку наш круг смыкался на каких-то ещё других людях, то я ни одной минуты не оставалась одна.

Интервьюер:

— У Вас что, были ещё какие-то увлечения?

Зоя Богуславская:

— Нет, не в сексе... а просто... вы знаете... Два месяца я была единственной женщиной шестого объединения кинематографистов, где были Алов, Наумов... и там же — Тарковский, Швейцер...

Интервьюер:

— Они, конечно, поддерживали Вознесенского?

Зоя Богуславская:

— Нет, они смыкались в один круг и говорили: «Зоя, какое счастье, что наконец-то власть Андрея над тобой кончилась!» Они все были за меня!

АНДРЕЙ И ЗОЯ. И ЖЕНЩИНА В СУДЬБЕ ПОЭТА

Интервьюер:

— А какое тогда имело значение для судьбы поэта встреча с женщиной?

Зоя Богуславская:

— Решающее значение имела и имеет женщина в судьбе писателя! Равное количество женщин сгубило их, и равное количество женщин — даже с отвратительным поведением — подвигло их на очень крупную, хорошую поэзию. Вообще жёны поэтов, писателей делятся на несколько разновидностей. Одни жёны — и таких меньшинство — это верные ангелы, помогающие своим мужьям творить, освобождающие их от рутины, не связанной с творчеством, понимающие, что их муж — гений, печатающие им их рукописи, собирающие архивы и так далее, и так далее. Другая разновидность жён — прямо противоположная, это богема, измены, флирт и всё такое... Когда они доводят своего творческого гения до состояния ярости, тогда у этого гения пишутся, например, такие стихи... У Ахматовой я очень люблю это стихотворение:

Анна Ахматова

*А ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.*

*Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе странный подарок —
Мой заветный душистый платок.*

*Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь,
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.*

Вот это другая разновидность жён, буйных, самоутверждающихся через какой-то протест, через хулиганство, через

эпатаж и так далее. Таких жён очень много. Другая, вернее третья, разновидность жён — это жёны, тоже являющиеся личностями, когда у них со своими мужьями есть абсолютное творческое понимание и единение, тогда это идеальный брак. Пример такого брака — Алексей Герман и Кармалита. И есть жёны-сообщницы. Это гениальный слой среди разновидностей жён, это такая жена, которая связана с мужем, кроме всего прочего, тайной, притом очень неблагоприятной, понимаете? Жена знает (за ним и про него) то, что держит его при ней, потому что иначе она всё расскажет... и так далее.

Интервьюер:

— То есть женщина для поэта — это всё?

Зоя Богуславская:

— Ну, многое...

Интервьюер:

— Судя по тому, как он за Вами ухаживал, это так. А свадьба у Вас с ним была?

АНДРЕЙ И ЗОЯ. И ИХ СВАДЬБА

Зоя Богуславская:

— Свадьбы у нас с Андреем не было. Мы поехали в ЗАГС на какую-то Парковую улицу, мы поехали вчетвером, расписались, а потом уже все узнали об этом. Но достаточно Вам сказать, что никто не верил в это, никто не верил, что мы расписались, что мы поженились официально. Мы об этом как-то никому не говорили, и моя ближайшая подруга, одна из четырёх моих подруг, держала пари с другой подругой, что Андрей и Зоя никогда не поженятся, а когда вторая сказала, что я видела паспорт (Зоя смеётся) и как доказательство брака — штамп в паспорте, она сказала: «Нет, это ты всё сочиняешь».

Белла Ахмадулина, когда узнала, что Андрюша женился на мне, приехала в Дом творчества «Переделкино», у нас с Андрюшей тогда ещё не было квартиры, и повесила

мне на шею свой крестик... аквамариновый... нет, опаловый. Ну, это с её стороны был какой-то такой жест, она сняла с себя крестик, встала передо мной на колени и сказала: «Он тебя выбрал». Они с Беллой очень дружили, у них была дружба сродни очень сильной влюблённости, очень долгий период.

АНДРЕЙ И ЗОЯ. И МОСКВА

Интервьюер:

— Вы давно живёте в Переделкине. Вы Москву не любите?

Зоя Богуславская:

— Нет, мы всегда очень любили Москву. Мы оба родились в Москве, даже в одном роддоме, как выяснилось много позже. Как-то мы проезжали с Андреем по Лялиному переулку, я говорю: «Андрюш, посмотри, вот тут я родилась». Он говорит: «Ну ладно, не шути». Я говорю: «Как — «не шути»? Я родилась тут!» Он говорит: «И я здесь родился!»

Интервьюер:

— Что Вы говорите?! Серьёзно?

Зоя Богуславская:

— С разрывом в некоторое количество лет, но мы родились в Москве, в одном и том же роддоме. Мы москвичи. Мы всегда любили Москву, мы любили набережную, мы любили вид из своего окна на эти две церкви плюс, конечно, и свой высотный дом, и громадные окна в своей квартире, таких громадных окон раньше не было в Москве, и эту свою квартиру мы очень любили...

Интервьюер:

— Вы же говорили, что не любили!

Зоя Богуславская:

— Сначала — я Вам говорила — нет, а потом мы с ним эту квартиру очень любили, потому что она была обжита, обмолена уже таким количеством людей, воспоминаний, дружб, застолий...

АНДРЕЙ И ЗОЯ. И ХРУЩЁВ. И ДРУЗЬЯ АНДРЕЯ И ЗОИ

(На экране возникает Хрущёв и, потрясая своими кулаками, кричит на худенького юношу, на поэта Андрея Вознесенского, и грозит выслать его из страны «к чёртовой бабушке» за его «беспартийные позиции», и страшит его «жестокими заморозками» и «морозами», которые наступили после «оттепели»: *«Вон из Советского Союза, господин Вознесенский!»*)

Москва, 60-е годы прошлого столетия. Встреча Никиты Сергеевича Хрущёва с интеллигенцией. Конец «оттепели». 8 марта 1963 год.)

Интервьюер:

— Давайте вернёмся в то время, когда Вы соединились с Андреем, когда судьба соединила Вас с ним. Это был сложный этап в жизни Андрея Вознесенского.

Зоя Богуславская:

— Мы с Андреем Андреевичем стали сближаться в худший момент его жизни, после хрущёвского разгрома. Ну, и сам этот момент... Знаете, «она его за муки полюбила, а он её - за состраданье к ним». Муки у него были тяжёлые, и надо сказать, что всё последующее в его жизни было связано с этим моментом крика Хрущёва на встрече с интеллигенцией. И я задумалась: что это за феномен такой был Хрущёв? И я поняла следующее. Сталин был очень тихий, не медийный, бесшумный человек. Всё в стране делалось его волей, по его воле, но он мог сказать иногда своим помощникам только: «Присмотритесь к этому человеку», и всё, и того уже пытали, расстреливали, стоило только Сталину сказать: присмотритесь к этому человеку, и всё. А Хрущёв был весь наружу, он был самым громким из наших генсеков и руководителей. И когда он вдруг стал орать на интеллигенцию, то мы в этот момент не могли понять, почему он делает это, и не понимали, что лучше пусть он орёт, чем, как Сталин, берёт человека на мушку и говорит своим

людям: присмотритесь к этому человеку. Но всё равно, в каждом из всех, на кого Хрущёв орал, это осталось очень глубоко.

Андрей Андреевич тогда был ещё совершенно желторотым, с моей точки зрения. Поэт, который стремительно взмыл в небеса литературы, которого «обозвали» гением, который в 1962 году уже встречался с семьёй Кеннеди и уже был и выступал в Париже на главной сцене, это уже был человек, который ощущал себя избранником, поэтом — избранником мира, кумиром, и вдруг он подвергается такому позору со стороны Хрущёва, причем прилюдно... Ещё одно свойство Хрущёва состояло в том, что он всё это сделал прилюдно, но потом он осознал что-то и сказал Андрею: «Ну ладно, работайте, вот вам моя рука». Хрущёв, который своим криком завёл весь зал и всех в этом зале, вдруг осознал, что на трибуне стоит тощий человек, у которого, я не знаю, какой был вес тогда, но у которого всё было на просвет, все рёбрышки, стоит этот очень худенький, длинношей, с кядьком юноша, и стоит ревуший, как зверь, генсек с двумя кулаками. Что после этого должно было быть? Всех же потом, и Владимова, и Войновича, всех, на кого Хрущёв обрушил свой гнев, вытурили из страны, а Андрея — нет, вот же ведь в чём дело. А не вытурили Андрея именно потому, что Хрущёв увидел всю эту мизансцену: худющий молодой поэт и ревуший генсек, и «взбесившийся» зал — это было настолько абсурдно...

Интервьюер:

— И Вы очень жалели Андрея?

Зоя Богуславская:

— Так он был абсолютно инфантильный — Андрей. Когда мы с ним поженились, он не только ничего не знал, там, по дому, по быту, как люди живут... он был, как вам сказать, очень рафинированный. Он знал дюралюминиевое шасси, синхрофазотроны, но каких-то других вещей не знал...

(Андрей Вознесенский на экране читает свои стихи.)

Андрей Вознесенский

НЕ ПИШЕТСЯ

Я — в кризисе. Душа нема.
«Ни дня без строчки»,
А у меня —
ни дней, ни строчек.
Поля мои лежат в глуши.
Погашены мои заводы.
И безработица души
зияет страшною зевотой.
И мой критический истец
в статье напишет, что, окрысьсь,
в бескризиснейшей из систем
один переживаю кризис.
Мой друг, мой северный, мой неподкупный друг,
хорош костюм, да не по росту,
внутри всё ясно и вокруг —
но не поётся.
Я деградирую в любви.
Дружу с оторвою тракторною.
Не деградируете вы —
я деградирую.
Был крепок стих, как рафинад.
Свистал хоккейным бомбардиром.
Я разучился рифмовать.
Не получается.
Чужая птица издали
простонет перелётным горем.
Умеют хором журавли.
Но лебедь не умеет хором.
О чём, мой серый, на ветру
ты плачешь белому Владимиру?
Я этих нот не подберу.
Я деградирую.

*Семь поэтических томов
в стране выходит ежесуточно.
А я друзей и городов
бегу, как бешеная сука,
в похолодавшие леса
и онемевшие рассветы,
где деградирует весна
на тайном переломе к лету...
Но верю я, моя родня —
две тысячи семьсот семнадцать
поэтов нашей федерации —
стихи напишут за меня.
Они не знают деградации.*

Зоя Богуславская:

— Вот такие вещи он писал, хотя у него есть и политические стихи, но он никогда не был поэтом от политики. У него была крамола, как вам сказать, всегда против несвободы. У меня было очень много друзей, а у него их почти не было. И вот я хочу сказать так: одно из свойств его как поэта и одно из свойств его поэзии — это было глубокое одиночество, именно — и внутреннее, и внешнее, и не было у него никакого ближайшего друга, которому бы он исповедывался, которому бы он всё рассказывал. А всегда это был он и другие: Окуджава, Евтушенко, дальше Роберт Рождественский и Белла Ахмадулина, то есть, «нас мало, нас, может быть, четверо...» И так далее.

Но дружил ли он с Робертом, дружил ли он с Женей? Они потом стали так сильно расходиться. Единомыслие — это был тот оселок, на котором зиждились их отношения. Когда после крика Хрущёва Андрей остался один, то ему все сочувствовали, но он ни с кем не делился своими переживаниями... Вот, может быть, поэтому получилось так, что уже месяцев за пять до этого я была возле него как его поверенный, как его друг, и вот поэтому он как бы прислонился ко мне, потому что, конечно, он был в ужасе... нет, это был очень трудный период.

(Андрей Вознесенский на экране читает свои стихи.)

Андрей Вознесенский

ПЛАЧ ПО ДВУМ ПОГИБШИМ ПОЭМАМ

(Отрывок)

(...)

*Погибли поэмы. Друзья мои в радостной
панике —
«Вечная память!»
Министр, вы мечтали, чтоб юнгой
в Атлантике плавать,
Вечная память,
громовый Ливанов, ну, где ваш несыгранный
Гамлет?
вечная память,
где принц ваш, бабуся? А девственность
можно хоть в рамку обрмить,
вечная память,
зелёные замыслы, встаньте, как пламень,
вечная память,
мечта и надежда, ты вышла на паперть?
вечная память!..*

Аминь.

*Минута молчанья. Минута — как годы.
Себя промолчали — все ждали погоды.
Сегодня не скажешь, а завтра уже
не поправить.
Вечная память.*

*И памяти нашей, ушедшей как мамонт,
вечная память.*

Аминь.

(...)

Интервьюер:

— Но ведь жизнь-то у Вас была тяжёлая. Как удавалось Вам переносить всё, что Вы перенесли? Что Вам помогало?

Зоя Богуславская:

— Молодость, ещё кроме всего прочего — любовь, брак, Лёничка, — всё это было счастьем, и мы переходили через все преследования и трудности без паники, без депрессии. Вот когда Хрущёв выгонял Андрея из страны, вот это была депрессия у Андрея после этого, с очень сильным психологическим заболеванием, понимаете? У него была рвота две недели, которую никто не мог остановить, разгадать, понимаете? Но вообще мы никогда не воспринимали наше время как плохое, хотя в наше время бывало плохое, например, аресты, репрессии, разгон «Метрополя», разгон Московской организации, усиление «заморожков», мы сквозь всё это проходили. Но такая у нас была плотность дружбы, единения, это было для нас важнее, и любовь, и сама жизнь, когда уже не было вот этого сталинского молчаливого прессинга, при котором все друг друга боялись.

АНДРЕЙ И ЗОЯ. И ЭДВАРД КЕННЕДИ

Интервьюер:

— К вам ведь сюда, в дом на Котельнической набережной, иностранцы ходили. А контроль за вашим домом был со стороны органов серьёзный?

Зоя Богуславская:

— Конечно. Андрей был под очень большим прессингом, под вниманием органов. Особенно когда сюда стали ездить видные иностранцы. Здесь побывали разные зарубежные поэты, которые были очень известными во всём мире. Но, конечно, самый громкий сюжет, поскольку он имел некий скандальный привкус в своем окончании, это был визит Эдварда Кеннеди в нашу страну и к нам с Андреем домой. Эдвард Кеннеди, недавно почивший младший брат Джона Кеннеди, настолько остался у Андрея где-то вот в затылке,

что Андрей написал и сейчас опубликовал поэму «До свидания, Кеннеди!», или «Прощай, Кеннеди!».

Итак, нам сообщает сначала Американское посольство здесь, в Москве, а затем и наше, о том, что у нас в гостях появится Эдвард Кеннеди. Кеннеди, который приехал в Москву и идёт не на государственный уровень, а хочет пойти в гости к кому-то, то есть к нам, к полудиссидентам или... я уж не знаю, как мы там числились.

У него было три просьбы к нашему руководству: он хотел побывать в метро, он хотел посетить квартиру и он хотел слетать в Тбилиси, в Грузию.

Вот в эту роковую троицу мы и попали. А роковую вот почему. Когда они пришли к нашему дому, они поднялись на высотном лифте сюда, и, естественно, что внизу, вокруг дома, было огромное количество людей из определенных организаций, охранявших драгоценную жизнь Кеннеди. И они провожали Кеннеди к нам, на наш этаж, но многие из них не уместились в лифт и бежали по лестнице вверх. Это вызывало у нас дикий смех, ну, мы были, конечно, ещё очень беспечны.

С Кеннеди у нас была очень задушевная беседа, они не спрашивали нас о политике, это совершенно не интересовало их, а они спрашивали только: ну, как, оправился ли поэт от синяков и ушибов Хрущёва, генсека?

(Эдвард Кеннеди сказал: «Андрей Вознесенский — величайший поэт нашего столетия!» — *Н. К.*)

Интервьюер:

— А сколько здесь тогда собралось людей?

Зоя Богуславская:

— А вот давайте посчитаем. Эдвард Кеннеди был, да, Джоан — его жена — была. Ну и какие-то их приближённые, посол, по-моему, был... А остальные были за дверью, которые следили за всеми. (Зоя смеётся)

Мы с нашими гостями ели-пили много. Достаточно Вам сказать, что, когда они ушли и когда лифт уже стукнул дверью и они уехали, и я, уже едва стоя на ногах, поскольку очень много хозяйничала (и ухаживала за всеми весь

вечер), закрыла за ними дверь... мы увидели, что Джоан забыла у нас свою сумку. Когда я приоткрыла эту сумку, чтобы понять, не заложено ли там что-то, это я шучу, то мы увидели там: все чековые книжки Кеннеди, довольно большое количество всякой валюты, и какие-то документы, и вся косметика, мама моя! Я ещё удивилась, что у Джоан, с моей точки зрения, такая неприбранная косметика... Ну, а что делать-то, мама моя?! И потом ещё скажут, что мы что-нибудь взяли (из сумки). Я села, взяла свою голову в руки и сказала: «Андрюша, мы должны позвонить в Американское посольство». Представляете, какие мы были лихие?!

Я звоню в Американское посольство и говорю сотрудникам посольства: «Вы знаете, она забыла... это я всё по телефону им говорю... она забыла у нас свою сумку, в которой все эти официальные дела, и как мне передать всё это им? Я должна передать всё это лично Кеннеди». Они говорят: «Это невозможно». Я говорю: «Ну, хорошо, ну тогда я всё это доверяю лично вам, при свидетелях». Мы с ними встретились, Вы не поверите, где — в «Пассаже», на Неглинке. Мы зашли в «Пассаж», в какой-то закуток, и я сказала им: «Просмотрите всё, что есть в этой сумке». Ну, только что расписку я у них не попросила. И они уехали... И так вот каждый раз у нас были какие-то происшествия.

АНДРЕЙ И ЗОЯ. КОНЕЦ ФИЛЬМА «АНДРЕЙ И ЗОЯ»

Интервьюер:

— Зоя, всё в порядке? Вы не устали?

Зоя Богуславская:

— Очень я устала сегодня.

Интервьюер:

— Тогда будем заканчивать?

Зоя Богуславская:

— Да. День такой у меня сегодня выдался, редчайший, день, когда совпали сразу три события, представляете?

Работа, фестиваль, разъезд всех гостей, падение Андрея Андреевича и Ваш фильм.

Интервьюер:

— Ну, тогда я задаю последний вопрос, и всё, ладно? А Вы никогда не хотели бы исправить что-то, что-нибудь в своей жизни?

Зоя Богуславская:

— Нет, нет, ну что Вы! Ну как вам сказать? Я никогда не жалела о прошлой жизни, никогда не жалела о том, что я поступила так, а не иначе, нет, нет. Поэтому, когда выпадает что-то хорошее, я радуюсь, но всегда себя внутренне останавливаю: «Нет, нет, счастье не может быть долгим». У меня фатальное отношение к жизни. Что суждено, то всё будет, и не может быть иначе. ...Я всё думаю: интересно, как же я кончу?

(Андрей Вознесенский на экране читает свои стихи.)

Андрей Вознесенский

МОЛИТВА

*Когда я придаю бумаге
черты твоей поспешной красоты,
я думаю не о рифмовке —
с ума бы не сойти!*

*Когда ты в шапочке бассейной
ко мне припустишь из воды,
молю не о души спасенье —
с ума бы не сойти!*

*А за оградой монастырской,
как спирт ударит нашатырный,
послегрозовые сады —
с ума бы не сойти!*

*Когда отчётливо и грубо
стрекозы посреди полей
стоят, как чёрные шурупы
стеклянных, замерших дверей,*

такое растворится лето,
что только вымолвишь: «Прости,
за что мне, человеку, это!
С ума бы не сойти!»
Куда-то душу уносили —
забыли принести.
«Господь, — скажу, — или Россия,
назад не отпусти!»

6 - 11 августа 2013 г., Москва

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФИЛЬМУ «АНДРЕЙ И ЗОЯ»

В этой первой части фильма (а всего в нём четыре части) Зоя Богуславская не рассказывает о том, как Андрей Вознесенский в 90-х годах заболел и как Зоя помогала ему бороться с этой болезнью и до конца поддерживала его и проявляла чудеса самоотверженности. В чём ей помогало не только её чувство сострадания, свойственное ей, и не только стойкий характер, но и её опыт сестры милосердия, который она приобрела ещё в свои юные, школьные, годы, когда во время войны жила в эвакуации в городе Томске и ухаживала в госпитале за ранеными солдатами, в том числе и за прикованными к постели.

Зоя-Оза сыграла в жизни Андрея и в его поэзии неоценимую роль и продолжила жизнь Андрея как минимум на десять-пятнадцать лет. И сейчас продолжает продлевать, увековечивая память о нём.

И Андрей сыграл в жизни Зои-Озы неоценимую роль, увековечив её в своих стихах и в поэме «Оза».

Роман, который начался у Андрея и Зои в 60-е годы, с завязкой лирического сюжета в подмосковной Дубне и с развитием действия по восходящей линии, превратился в великий роман о великой любви, которой не страшны никакие удары судьбы, которая навсегда останется в истории и которая показала, что Андрей не зря когда-то из всех женщин выбрал Зою, имя которой в переводе с греческого означает не что иное, как — жизнь.

**Нина КРАСНОВА,
11 августа 2013 г., Москва**